

В ПОИСКАХ БИБЛИО ОТ «ЧИСТКИ САРАЕВ»

Вадим Константинович СТЕПАНОВ

профессор кафедры электронных библиотек, информационных технологий и систем Московского государственного университета культуры и искусств

Хроника одной дискуссии...

В условиях нарастающего технического прогресса всё серьёзнее становится дискуссия о будущем самого образовательного продукта. Каким ему быть: печатным или электронным. Особенно остро этот вопрос стоит для учебников по информационным технологиям и техническим дисциплинам, которые успевают устаревать быстрее, чем выйдут из типографии.

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ЗАДАЧИ В УСЛОВИЯХ ДЕГУМАНИЗАЦИИ

А.В. Соколов

Преимущества ради напомню Ваши слова из предыдущего диалога: «Использование цифровых устройств делает их обладателей производительнее. Общество, основанное на цифровых технологиях, — производительнее, а значит сильнее, аналогового. И как бронзовый век в своё время уступил место веку железному, так аналоговое общество уступит место цифровому. И ещё один крайне важный момент — цифровое (информационное) общество имеет несколько отличительных характеристик, одной из которых являются непреходящий динамизм и инновационность: ситуация меняется стремительно, и те из социальных институтов, которые не в состоянии выдержать три приступа «технологической лихорадки» с периодичностью в три года, обречены на вымирание. Это относится ко всем без исключения, к библиотекам в том числе. И пока этого не произошло, библиотекам необходимо срочно менять формы и, подчас, само содержание своей работы». Сказано веско, категорично и... неубедительно. Вы рассуждаете в духе материалистической политэкономии: развитие орудий труда детерминирует образ жизни людей. Такое рассуждение односторонне, и поэтому обманчиво.

Действительно, теплотехника обусловила ранний капитализм, электротехника — зрелый капитализм, атомная энергетика — общество потребления, а циф-

ровая коммуникация — постиндустриальное информационное общество. В чём цель и смысл этого процесса? Андрей Вознесенский как-то заметил: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек». История свидетельствует, что, наращивая техногенную мощь, люди не становятся мудрее и милосерднее. Напротив, безжалостнее и изощрённее в человеконенавистничестве. Посмотрите на наше Отечество. Организованная преступность, терроризм, безудержное стяжательство, духовная пустота, ложь, невежество и т.д. — разве это не приметы сегодняшнего дня? Глобальные информационные сети, Интернет 2.0, совмещённый с телевидением, iPhone и смартфоны не могут устранить ксенофобию и межнациональные конфликты, искоренить мафию и вандализм, извести коррупцию, которая уже сейчас угрожает национальной безопасности, уничтожить пьянство и наркоманию. Высокий уровень информатизации не исключает низкий уровень гуманизации общества. Информатизация — мощное средство достижения как созидательных, так и разрушительных целей и задач. В круг целей и задач Государственной программы «Информационное общество (2011 — 2020)» не входит гуманизация российского общества, даже слова «гуманизм» нет в тексте программы. Одно из двух: либо разработчики программы во главе с Министерством связи и массовых коммуникаций не отдадут себе от-

ТЕЧНОГО СЧАСТЬЯ К ДЕЙСТВЕННОМУ ГУМАНИЗМУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Начало в предыдущем номере

Часть 2

Обсуждение, развернувшееся вокруг целевой направленности и содержательного наполнения учебника «Аналитико-синтетическая переработка информации» для бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», фактически переросло в дискуссию профессора **А.В. Соколова (СПБГУКИ)** и профессора **В.К. Степанова (МГУКИ)** о будущем самой библиотечной профессии.

Аркадий Васильевич СОКОЛОВ

профессор кафедры информационно-управляющих и мультимедиа систем Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

чёта в духовной деградации российского общества, либо дегуманизация русского народа их вообще не тревожит.

Хотя Вы не равнодушны к угрозам существованию библиотек, но в своих публичных выступлениях Вы также обходите эту тему.

Поэтому хотелось бы знать Ваше мнение по следующим вопросам: касается ли губительный процесс

дегуманизации России российских библиотек? Должны ли наши школьные и публичные, научные и национальные библиотеки активно противостоять деградации русского народа или занять позицию стороннего наблюдателя, озабоченного только технологическими сдвигами в глобальной сети Интернет?

В.К. Степанов

Настаиваю, что «развитие орудий труда детерминирует образ жизни людей» самым непосредственным образом. Нынешняя ситуация с повсеместным сокращением штата библиотек¹ — прямое тому доказательство. Цифровая система коммуникаций в одночасье отменяет целые производственные процессы, которые ещё 10 лет назад составляли суть библиотечной профессии. Цифровые фонды нет нужды обрабатывать, выдавать и следить за сохранностью, система корпоративной каталогизации позволяет выгружать библиографические записи, а не создавать их самостоятельно. Наконец, доступ ко множеству документов для 2,5 млрд пользователей Интернета стал возможен без какого-либо обращения в библиотеки, которые именно и прежде всего по этой причине утрачивают своё значение в обществе, а библиотекари, в свою очередь, лишаются работы.

От авторов программы «Информационное общество (2011 — 2020)» требовать гуманизации довольно странно.

Их задача — прописать техническую составляющую, инфраструктуру: сеть «цифровых» дорог, мостов, туннелей и развязок, по которым могут перемещаться как высокодуховные произведения ума человеческого, так и низкопробные поделки.

А вот задача библиотек как раз и состоит в том, чтобы распространять по Сети достойные интеллектуальные творения, делая их доступными и популярными, всячески развивая вкусы своих, уже всё чаще виртуальных, читателей. Именно в этом заключается вклад библиотек в гуманизацию человечества в целом и нашего с Вами Отечества в частности. Такой я вижу специфическую библиотечную задачу в борьбе со всеми видами пороков, которые, согласен, множатся на нашей планете с огромной скоростью. Полагаю, я не только ответил на вопрос, должны ли библиотеки противостоять бездуховности, но и в самом общем виде указал способ, каким они должны это делать.

1. Совокупное сокращение персонала в научных библиотеках США всех типов за период с 2008 по 2010 гг. составило 4,8% (4495 ставок). В 2011 г. штат Библиотеки Конгресса США был сокращён на 10% (State of America's Libraries Report 2012 — <http://www.ala.org/news/mediapresscenter/americaslibraries/soal2012>).

БИБЛИОТЕЧНАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО?

А.В. Соколов

В своих работах Вы перечисляете очень конкретные и популярные виды библиотечно-информационного обслуживания, которые успешно практикуются некоторыми библиотеками сейчас, и, несомненно, будут востребованы в будущем. Но все они носят тактический, а не стратегический характер, потому что представляют собой реализацию современных информационной, образовательной, просветительской, рекреационной функций библиотечного обслуживания, а не инновационные преобразования. В своих выступлениях Вы постоянно толкуете о новых технологических функциях и не предвидите появления в библиотеке информационного общества каких-либо новых социальных функций. Тем самым Вы поддерживаете технократический перекокс в сознании политической элиты России, когда библиотечно-библиографический институт игнорируется в качестве фактора социальных преобразований. Библиотеки рассматриваются государственной властью как пассивный объект информатизации, компьютеризации, интернетизации, а не как активный субъект социальной гуманизации. Властвующие технократы убеждены: архаичной книжности место в историческом музее, а не в информационном обществе. Им невдомёк, что болезни общества лечатся не информационными технологиями, а социально-культурными преобразованиями, где хороший библиотекарь, интеллигент-книжник важнее хорошего компьютера с широкополосным Интернетом. Такова моя принципиальная позиция, которую, как я понимаю, Вы не разделяете. Поэтому позвольте её аргументировать.

Необходимо уточнить, как следует понимать библиотечную информатизацию (компьютеризацию, интернетизацию): как средство или как цель? Цель и средство взаимосвязаны, причём цель первична (она устанавливается независимо от каких-либо средств), а средство вторично (его выбирают в зависимости от поставленной цели). Будем различать понятия «социальная функция» и «социальная миссия». В «Библиотечной энциклопедии» (М.: Пашков дом, 2007) перечислены общие функции, соответствующие основным потребностям личности в библиотечном обслуживании, — мемориальная, просветительская (образовательная), информационная, социализирующая, и частные функции, связанные со специфическими потребностями и интересами личности — рекреационная (развлекательная, реабилитационная), гедонистическая, ценностно-ориентирующая, которые Вам хорошо известны. Недостаток традиционного библиотековедческого учения о социальных функциях заключается в том, что функция

понимается как *предоставление услуги* — образовательной, информационной, ценностно-ориентирующей, рекреационной и пр. Предоставление услуги, т.е. обслуживание (сервис), предполагает субъект-объектное управление, где управляющим субъектом является клиент (автор запроса), а обслуживающий его библиотекарь — управляемым объектом, действующим по алгоритмической технологии (в принципе его может заменить интеллектуальный робот). Беда в том, что клиентоориентированное обслуживание в рамках поступившего запроса не способствует преодолению пороков дегуманизации общества, скорее, напротив, их усугубляет. Ведь клиенты формулируют свои запросы не на уровне гуманной мудрости, а на уровне собственного невежества. Информатизированная библиотека, оперативно, дистанционно, комфортно, исчерпывающе полно обслуживающая своих потребителей, остаётся в социальном пространстве пассивным объектом, а не активным субъектом, ибо она чужда социальной миссии.

В чём различие между функцией и миссией библиотечно-библиографических учреждений? Социальная функция нацелена на обслуживание членов общества, миссия же нацелена на *преобразование* (совершенствование) общества в соответствии с принятой политикой. Именно в активной социально-образовательной направленности заключается специфика социальной миссии, отличающая её от социальных функций. Миссия выражается в ценностно-целевой ориентации практической деятельности. В наши дни приоритетной считается информационная функция, о социальной же миссии библиотековеды умалчивают. Можно сказать, что современные библиотеки выполняют нуль-миссию, т.е. устранились от преобразовательного воздействия на общество. На мой взгляд, такая позиция в условиях риска дегуманизации российского общества совершенно неоправданна и даже опасна. Почему?

Гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел закон *техно-гуманитарного баланса*: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества»². Если гуманизм основан на сотрудниче-

2. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). — М.: Пер Сз, 2001. — С. 96.

стве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей*. Как достичь нужного уровня гуманизации сознания — это главный вопрос на повестке дня XXI в.

Гуманизация человечества, его духовное возрождение возможны только в том случае, когда знания и искусство, заблуждения и мудрость, воплощённые в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае. Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Именно библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способны и должны выполнить гуманистическую миссию, соответствующую условиям информационного постиндустриального общества.

Соотношение между идеей гуманизации общества и идеей информатизации общества заключается в том, что гуманизация есть цель социальных преобразований, а информатизация — средство достижения этой цели. Поскольку цель и средство неразрывно связаны друг с другом, эти две идеи должны не конкурировать (что имеет место в настоящее время), а дополнять друг друга в стратегических программах развития российских библиотек. Информационные технологии должны служить библиотечно-муделу, а не библиотечное дело — информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности homo informaticus, используя локальные и удалённые ин-

формационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации. Информатизация библиотек оправдывает себя только в том случае, если она послужит для реализации гуманистической миссии. Можно сказать, что не информационная функция, а гуманистическая миссия должна стать приоритетом наших библиотек.

Библиотечный гуманизм заслуживает специального рассмотрения, которое выходит за рамки настоящего диалога. Скажу только, что, по моему убеждению, *сущность библиотечного гуманизма заключается в реализации такой системы профессиональной библиотечно-библиографической деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удалённых пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки*. Использование интернет-ресурсов является необходимым условием функционирования библиотеки, подобно подключению к электросети и теплоснабжению³.

Теперь сформулирую вопросы.

1. Как Вы рассматриваете информатизацию библиотек: в качестве конечной цели (по существу то же самое — информатизация ради самосохранения в цифровой среде) или в качестве средства реализации каких-то социальных целей (совершенствование сервиса — не цель, а средство улучшения обслуживания)?

2. Вы утверждали в своём кредо (см. начало диалога): «Библиотека, в которой кардинальным образом изменится абсолютно всё, сохранит за собой тысячелетний авторитет учреждения, вобравшего в себя мудрость поколений». «Кардинальные изменения», коренная перестройка библиотечного дела означает превращение библиотек в учреждения с «иными» технологиями, «иными» работниками, «иными» фондами и клиентами, «иными» функциями и миссиями, но с вывеской «библиотека». Поясните, каким образом библиотеки в процессе обслуживания запросов клиентов будут приобщать их к «мудрости поколений». Путём обучения навигации в сети Интернет? Путём проведения акций типа «Библионочь»?

В.К. Степанов

Полностью солидарен с Вашим утверждением, «что болезни общества лечатся не информационными технологиями, а социально-культурными преобразованиями», но вот далее в своём утверждении Вы делаете серьёзнейшую логическую ошибку, *противопоставляя «хорошего библиотекаря, интеллигента-книжника»*

«хорошему компьютеру с широкополосным Интернетом». В эру цифровых коммуникаций библиотекарь, не обладающий мощным компьютером и уверенным доступом к Сети, не может считаться хорошим, поскольку и одно, и второе являются первейшими орудиями его труда. Речь, таким образом, должна идти не о противопоставлении, а об *объединении* этих двух

3. Проблематике библиотечного гуманизма я посвятил книги: Библиотека и гуманизм: Миссия библиотеки в глобальной техногенной цивилизации. — СПб.: Профессия; М.: Гранд-Фаир: Межрегиональный библиотечный коллектор, 2012. — 400 с.; Российские библиотеки в информационном обществе: профессионально-мировоззренческое пособие. — М.: Литера, 2012. — 400 с.

компонентов, иначе — о вооружении библиотекаря инструментами, которые увеличивают его производственный потенциал в разы, если не на порядки.

Если же под «хорошим библиотекарем» Вами понимается человек, имеющий дело исключительно с печатными изданиями, в противовес специалисту, работающему с цифровыми приложениями, то здесь Вы воспеваете уходящую натуру — поёте ей лебединую песнь. Данные всех стран за последние годы неумолимо свидетельствуют о закате эры печатных изданий и начале эры изданий электронных⁴. «Привязывая» библиотеку к печатной книге, Вы роете ей могилу, в которой гуманизм, несмотря на свою высочайшую социальную миссию, будет подвергнут лишь одному — тлению. Надеюсь, что в этом своём выводе относительно Вашего стремления непременно увязать воедино библиотеки с печатными изданиями я заблуждаюсь.

Не желая излишне утомлять читателей, не буду углубляться в вопрос о функциях библиотеки, которой авторы нашей отраслевой энциклопедии чего только не приписали. Библиотека была создана и существует для выполнения своей основной — информационной — функции, все же другие являются для неё факультативными и осуществляются не самостоятельно, а через информационную. В разные исторические периоды их значение может возрастать или же исчезать совсем — библиотека при этом не перестаёт быть библиотекой. Но стоит изъять из библиотеки задачу информационного обслуживания, она полностью качественно перерождается в иное учреждение с иными законами и целями развития — её в данном случае можно смело уподобить бане, в которой отключили воду.

Целиком и полностью разделяю Вашу озабоченность «дегуманизацией», которая, на мой взгляд, наиболее ярко проявляется в следовании откровенно антихристианским ценностям и постоянно усиливающимся манипулированием общественным сознанием. Однако дальнейшее Ваше утверждение относительно того, что «центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие» и «библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, [...] способны и должны выполнить гуманистическую миссию...», является квинтэссенцией, корнем Ваших заблуждений. Истоки сегодняшних проблем библиотек во всех технологически развитых странах мира заключаются именно в том, что они перестают быть *единственными* держателями «многовекового гуманистического наследия». Наследие это щедро представлено во Всемирной компьютерной сети, наполнение которой характеризуется, в частности, тем, что источник, размещённый в Интернете одним пользователем, становится доступен всей его более чем двухмиллиардной аудитории. И если по Вашему утверждению, с которым я согласен, для человечества главной проблемой ныне является повышение уровня гуманизации сознания, то для библиотек главным вопросом сегодня является обоснование собственного существования в условиях, когда глобальные сервисы

Google Books или HuthiTrust, а также такие относительно малые проекты, как русскоязычные пиратские сетевые библиотеки, предоставляют более простой доступ к гораздо более богатым фондам, нежели те, что могут предложить библиотеки. Читальные залы библиотек пусты не потому, что все бывшие читатели в одночасье одичали и дегуманизировались, а потому, что у них появилась альтернатива в получении источников, и решение они приняли отнюдь не в пользу библиотек. Поэтому, прежде чем приступить к оздоровительным мероприятиям по «спасению информационного общества от губительного недуга дегуманизации», последним предстоит провести обстоятельную санацию собственной деятельности, включая изменение ключевых производственных процессов, реорганизацию структуры и освобождение от кадрового балласта.

На поставленные в заключении вопросы отвечу кратко и чётко.

1. Информатизацию я рассматриваю не как цель, а как непереносимое условие, если угодно, — средство сохранения библиотеки в числе институтов, осуществляющих информационную деятельность и посредством этого влияющих на сознание граждан. Только безупречная техническая оснащённость и высокая профессиональная квалификация персонала позволят библиотеке осуществлять свои важнейшие функции: системообразующую — информационную, и факультативные — образовательную и досуговую, в обществе как сегодняшнего, так и завтрашнего дня.

2. В процессе обслуживания запросов клиентов библиотеки будут приобщать их к «мудрости поколений» путём тщательного отбора и предоставления каждому пользователю самого лучшего из всего разнообразия интеллектуальных ресурсов с учётом мельчайших особенностей каждого читателя. Для одних будет, безусловно, полезно обучение навигации в Сети, для других — консультирование при обращении к электронным государственным или социальным услугам, для третьих — приобщение к познанию путём участия в дискуссионных столах или викторинах. Что касается «акций типа "библионочь"», то всё зависит от того, чем наполнить библиотеку под покровом темноты. Такие акции, безусловно, можно приветствовать, если в их ходе развивается творческая любознательность, и столь же безусловно отвергать, если в числе предлагаемых живых книг значатся такие бестселлеры, как «мастер ничегонеделания», «феминист» или «трансвестит», а посетителям предлагается пройти обучение танцам на шесте или поприсутствовать на принародной разделке мясной туши.

4. В США за 2012 г. число читателей э-книг возросло на 7%, а число читающих печатные книги упало на 5% (данные Pew Internet — libraries.pewinternet.org/2012/12/27/e-book-reading-jumps-print-book-reading-declines).

В Великобритании продажи печатных книг в 2012 г. упали на 5% (данные Nielsen BookScan), и в то же время реализация электронных книг составила 13–14% от общего объёма книжных продаж в стране в количественном выражении (данные Bookseller — pro-books.ru/sitearticles/11527). По прогнозу 2011 г. британской компании Juniper Research, ежегодные мировые продажи электронных книг в 2016 г. достигнут суммы в 9,7 млрд долларов США. В России, по данным РКП, в 2012 г. падение по числу названий изданных книг составило 5%, а падение общего тиража — 11,8%. При этом общие объёмы выпуска книг сокращаются каждый год, начиная с 2009 г.

СТРАТЕГИЯ «ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?», ИЛИ РУБАКИНЫ В МИНИАТЮРЕ

А.В. Соколов

В официальных государственных программах, например, Хартии глобального информационного общества (2000) или Государственной программе «Информационное общество (2011 – 2020)» и в многочисленных футурологических концепциях информационное общество изображается как желанная и неизбежная перспектива человечества. Каким оно будет, это общество, и сохранятся ли в нём читатели книг? Общепринята презумпция, что информационное общество (оно же – общество знания) будет глобальным, просвещённым, демократичным и гуманным, где каждому человеку будет открыт доступ к любым информационным ресурсам и предоставлены все возможности для творческой самореализации, культурного развития, приобщения к общечеловеческим и национальным ценностям культуры. Российские гуманисты-книжники категорично подчёркивают центральную роль чтения в интеллектуальном и нравственном развитии личности, инкультурации и социализации индивида. Никто не сомневается в том, что книжная коммуникация сохранится в грядущем информационном обществе, а чтение будет оставаться любимым занятием человека информационной культуры. Однако имеются скептики, которые опасаются нравственной деградации обитателей глобальной «информационной деревни». По мнению одного маститого лондонского профессора, *информационное общество* – «это такое общество, в котором создание и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, стало делом специалистов по дезинформации из министерства обороны, экспертов по связям с общественностью, парламентских лоббистов»⁵. Другими словами: в информационном обществе просвещение оборачивается информацией, информация – рекламой, педагогика – манипулированием.

Показательно, что практически во всех сценариях будущего информационного (постиндустриального, постэкономического) общества предвидится раскол на антагонистические классы (страты, слои). Не случайно одна из итоговых книг нашего ведущего экономиста-футуролога В.Л. Иноземцева называется «Расколота цивилизация» (1999). Прогнозируется формирование двух «вполне оформившихся полюсов социального противостояния». Высшая страта является господствующей в информационном обществе, так как монополю владеет основным хозяйственным ресурсом, которым являются *информация и знания*. Принадлежность к господствующей страте обуславливается обладанием *интеллектуальным* (от слова «интеллект») капиталом – образованностью и творческими способностями. Интеллектуальный капитал – неотчуждаемая собственность воспитанников высшей страты, он недоступен духовно убогой низшей страте, стремящейся

к материально-вещественным товарам, услугам, к движимой или недвижимой собственности. Оказывается, что в недрах информационного общества изначально заложено антагонистическое противоречие, которое представляется гораздо более фундаментальным, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание представителей высшей страты, не могут быть не отчуждены, ни перераспределены. Дополнительный драматизм ситуации придаёт то, что рабочие ни имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что интеллектность и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую саму себя.

Если экстраполировать в будущее практику современного библиотечно-информационного обслуживания, получается следующая картина. Поскольку интеллектуальное меньшинство монополизирует знание, образование и культурное наследие информационного общества, к его услугам будут средства высокотехнологичной мобильной связи и коммерческие ресурсы Интернета, его привилегией станет дистанционный доступ к художественной, духовной и научной литературе, собранной в немногочисленных национальных (мировых) книгохранилищах. Невзыскательные вкусы массовых аудиторий будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока ещё неизвестные находки массовой культуры. Вероятно, в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдут своё место публичные библиотеки-клубы, наверное, сохранятся информатизированные школьные, вузовские, специальные научные библиотеки. Не исключено, что значительная часть граждан информационного общества откажется от чтения книг, довольствуясь ресурсами электронной коммуникации. Библиотечная сеть значительно сократится, а многие библиотеки перепрофилируются.

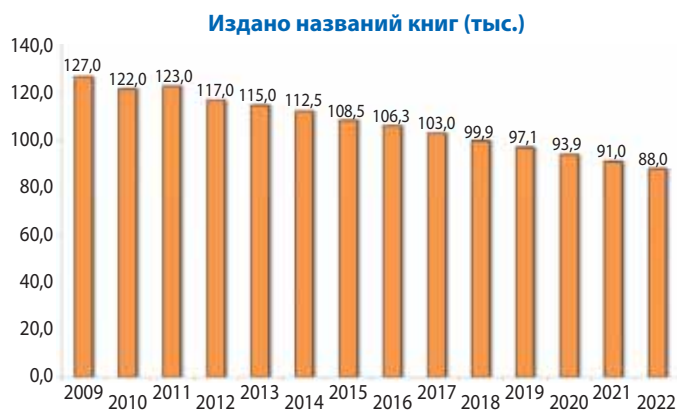
Такова вероятная судьба российских библиотек в информационном обществе, если исходить из футурологических представлений о социальной структуре этого общества и клиентоориентированной («чего изволите?») стратегии библиотечно-информационного обслуживания. Вопрос многоуважаемому оппоненту:

Какой Вы представляете структуру российской библиотечной системы в информационном обществе середины XXI в.?

5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 217.

В.К. Степанов

Не могу не проиллюстрировать сказанное коллегой небольшим расчётом и оставить график без комментариев.

Расчёт тенденций выпуска книжной продукции в России на основании данных РКП за 2009–2012 гг. с использованием функции «Предсказание» программы MS Excel 2007.

Модель общества, разделённая на замкнутые элиту и плебс без возможности перехода из одной категории в другую, не выглядит убедительной. Любая замкнутость ведёт к генетическому ослаблению и вырождению популяции. Приток свежей крови необходим любым сообществам, и система социальных лифтов, думается, должна будет действовать в обоих направлениях.

Стремление обособиться и обезопасить своё положение у верхушек общественных страт присутствовало всегда. Сегодня, как в России, так и в целом ряде других стран, это проявляется, среди прочего, в сознательном снижении образовательного и культурного уровня основного населения, поскольку невежественная масса легче управляема. Это, однако, говорит лишь о невежестве и деградации самой верхушки — история раз за разом доказывает, что подобные попытки оканчиваются всеокушающим социальным взрывом, и при дальнейшем развитии нынешней ситуации вопрос заключается лишь в сроках его наступления. Прошу у читателей прощения за этот мало относящийся к делу социологический пассаж, вызванный необходимостью определить отношение к приведённой картине мира.

Что касается системы библиотечного обслуживания в середине текущего века, то я её никак пока не представляю, поскольку не задумывался об уровне развития технологий через 30 лет. При нынешней динамике технического прогресса правдоподобные прогнозы возможно строить лишь на ближайшие 7–8 лет. Именно в этот период можно ожидать реализации живородящих для библиотек трендов. Первый заключается в превращении их в канал бесплатного, легитимного и мобильно-

го доступа к любому виду представленной в цифровой форме интеллектуальной продукции. При реализации этой задачи библиотеки России примут на себя роль ключевого звена в национальной системе легального распространения

«...никто не сомневается в том, что книжная коммуникация сохранится в грядущем информационном обществе, а чтение будет оставаться любимым занятием человека информационной культуры»

А.В. Соколов

ния интеллектуальной собственности⁶, что, безусловно, повысит их роль в жизни страны. Они также возьмут на себя роль консультационно-образовательных центров, обеспечивающих всем желающим не только доступ, но и квалифицированную консультационную поддержку при работе с информационными ресурсами или помощь при овладении навыками информационной грамотности в самом широком понимании значения данного термина. Помимо этого, библиотеки должны превратиться в открытые общественные центры, реализующие разнообразные программы интеллектуального досуга граждан всех категорий — от дошкольников до пенсионеров.

С большой долей вероятности число библиотек значительно сократится, а их персонал претерпит революционные преобразования. Вызванное изменением функционала качественное повышение интеллектуальной нагрузки на библиотекарей неминуемо приведёт к тому, что штат библиотек будут во всё большей мере составлять творческие, инициативные и компьютерно-грамотные сотрудники, которые только и способны реализовывать информационную функцию библиотеки, становясь своего рода рубакиными в миниатюре.

Несмотря на всю, возможно кажущуюся, фантастичность описанного сценария развития библиотек, я не вижу ему альтернатив. Поскольку другие библиотеки, включая и большинство тех, что существуют сегодня, обществу завтрашнего дня попросту не нужны. ■

6. Детальное обоснование и этапы воплощения этой идеи рассмотрены мною в статьях, опубликованных в журнале «Современная библиотека»: Библиотеки в системе легального распространения цифрового контента // Современная библиотека. — 2011. — № 6 (sb.litera-ml.ru/assets/files/Fulltext/Stepanov.pdf); 2012. — № 4 (sb.litera-ml.ru/assets/files/Fulltext/Stepanov-4-12.pdf).